

ЛЫСЕНКОИСТСКАЯ «ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ»

Винарский Максим Викторович – доктор биологических наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9. Ведущий научный сотрудник. С.-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5; e-mail: radix.vinarski@gmail.com

Так называемая «мичуринская» биология (известная также как лысенкоизм), процветавшая в СССР в 1930–1960-е гг., в теоретическом отношении представляла собой радикальный разрыв с господствующими в генетике и эволюционной теории представлениями. Одним из способов легитимации этой «революции» и формирования идентичности своего научного направления для «мичуринцев» стала история биологии, которую они интерпретировали в соответствии с собственными представлениями о развитии наук о жизни. Созданный сторонниками Т.Д. Лысенко образ прошлого был основан на представлении о стадийности развития биологической науки и неуклонном движении по пути прогресса, высшим достижением которого «мичуринцы» считали собственную научную парадигму. Это представление, однако, осложнялось дуалистическим восприятием прошлого и настоящего биологии, которая виделась лысенкоистам как непрерывная борьба двух «линий» – прогрессивной (материалистической, единственно научной) и реакционной (идеалистической, метафизической, антинаучной). «Августовская» сессия Академии сельскохозяйственных наук СССР рассматривалась как начало нового, завершающего этапа в истории биологии, а сама «мичуринская» биология – как советская версия дарвинизма, в соответствии с тезисом исторического материализма о детерминированности духовной жизни общества «способом производства», характерным для конкретной исторической «формации». Однако, хотя в целом «мичуринское» понимание прошлого находилось под глубоким влиянием марксистской философии истории, в исторических нарративах лысенкоистов можно усмотреть возрождение ряда мифологем, восходящих к Средневековью и укорененных в русской историософской традиции.

Ключевые слова: диалектический материализм, история биологии, лысенкоизм, «мичуринская» биология, эволюционная теория, советская наука

THE LYSenkoISTS' "HISTORIOSOPHY"

Maxim V. Vinarski –
DSc in Biology, Professor.
Saint Petersburg State
University.
7/9 Universitetskaya Emb.,
Saint Petersburg 199034,
Russian Federation.
Saint Petersburg branch
of the S.I. Vavilov Institute
of the History of Science
and Technology, RAS.
5 Universitetskaya Emb.,
Saint Petersburg 199034,

The so-called “Michurinist” biology (also known as Lysenkoism), which flourished in the USSR in the 1930s–1960s, represented a radical theoretical break with prevailing concepts in genetics and evolutionary theory. One of the ways this “revolution” was legitimized and a distinct scientific identity was forged by the “Michurinists” was through their particular interpretation of the history of biology, which they reshaped to align with their own views on the development of life sciences. The historical narrative constructed by T.D. Lysenko's followers was based on the idea of staged development in biological science and its inevitable progression toward higher forms – with “Michurinist” biology itself positioned as the pinnacle of this scientific progress. This view, however, was complicated by a dualistic perception

Russian Federation;
e-mail: radix.vinarski@gmail.com

of biology's past and present, which Lysenkoists framed as a perpetual struggle between two opposing "lines": a progressive one (materialist, the only truly scientific approach) and a reactionary one (idealist, metaphysical, and anti-scientific). The infamous August 1948 session of the USSR Academy of Agricultural Sciences was portrayed as the beginning of a new, culminating stage in the history of biology, while "Michurinist" biology was declared the Soviet version of Darwinism – aligned with the historical materialist thesis that a society's intellectual life is determined by its dominant mode of production within a given historical "formation". Yet, while the "Michurinist" understanding of history was deeply influenced by Marxist philosophy, their historical narratives also revived certain mythologems traceable to medieval thought and embedded in Russian historiosophical tradition. Thus, despite its claims to scientific materialism, Lysenkoism inadvertently reintroduced quasi-mythical elements into its vision of scientific progress.

Keywords: dialectical materialism, history of biology, Lysenkoism, Michurinist biology, evolutionary theory, Soviet science

Введение

Распространено мнение о том, что ученые-естественники в массе своей слабо знакомы с историей развития дисциплин, в которых они работают, да и мало интересуются ей. Особенно это характерно для занятых в самых технологичных и быстро развивающихся отраслях науки, где вновь полученная информация быстро теряет свою актуальность и уже 10–15 лет спустя рассматривается как устаревшая. А публикации 50–100-летней давности в данных науках относятся уже к «археологии знания», и обращаются к ним почти исключительно историки идей. Это нашло свое количественное выражение в научометрическом показателе, известном как "half-life" научных статей, введенном по аналогии с «периодом полураспада» радиоактивных элементов [Burton, Kebler, 1960].

Однако в истории естествознания были научные направления, представители которых осознанно обращались к прошлому своей дисциплины, что помогало им формировать собственную самоидентификацию и полемизировать с оппонентами. В полной мере это относится к так называемой «мичуринской» биологии (далее – МБ), процветавшей в нашей стране с середины 1930-х по середину 1960-х гг. Хотя МБ зачастую рассматривается как псевдонаука или идеологический проект, она обладала всеми составляющими институциализированного научного направления, имела доктринальную основу и интеллектуальных лидеров, отвечавших за ее создание и развитие. У «мичуринцев» были собственные исследовательские учреждения, и большое число ученых проводило изыскания в рамках этой парадигмы (полагаю, что этот термин в куновском его понимании

может быть, с известными оговорками, применен к МБ). При этом в теоретическом отношении МБ представляла собой радикальный и бескомпромиссный разрыв с господствовавшей в биологии концептуальной традицией. Нуждаясь в легитимизации этой «революции», идеологи МБ были буквально одержимы прошлым биологической науки, выстраивая, путем обращения к нему, свою «нарративную идентичность» (термин П. Рикера). Ими была создана оригинальная версия всемирной истории эволюционной биологии и затрачено немало усилий, чтобы вписать в нее себя и свое «учение». Исторические факты (определенным образом интерпретируемые) играли большую роль и в пропаганде «мичуринских» идей среди небиологов [Винарский, 2024]. Можно сказать даже, что в рамках МБ сложилась своеобразная философия истории, хотя и не явленная ни в одном источнике в целостном и систематизированном виде. При этом, как я постараюсь показать ниже, «мичуринские» представления об истории биологии определялись не только обязательной в те десятилетия опорой на исторический материализм, но и сознательным (или бессознательным) обращением к мифологемам гораздо более раннего происхождения, в том числе и характерным для русской историософской традиции.

Что такое «мичуринская» биология?

Термин «мичуринская» биология использовался в СССР и используется современными историками науки для обозначения особого направления в биологии, сложившегося в нашей стране в 1930–1940-х гг. и основанного на альтернативных по отношению к общепринятым в науке представлениям о наследственности и эволюционном процессе. Эпонимом этого термина был Иван Владимирович Мичурин (1855–1935), селекционер-любитель, занимавшийся в основном проблемой создания новых сортов плодовых деревьев, устойчивых к климатическим особенностям средней полосы России. Мичурин не имел биологического образования и не претендовал на статус ученого-теоретика. Однако вскоре после смерти он был объявлен великим реформатором биологии, творчески развившим и качественно превзошедшим достижения Ч. Дарвина. Ему приписывался перевод в селекции и создание метода направленной «переделки» культурных растений путем их «воспитания» в измененных условиях, что рассматривалось как новый, «творческий» дарвинизм [Келлер, 1941]. На деле же реальное содержание «мичуринского» учения создавалось работами агронома Т.Д. Лысенко (1898–1976) и его сподвижника философа И.И. Презента (1902–1969). Последнему придается обычно решающее участие, поскольку он осуществлял трансляцию

биологических воззрений Лысенко на концептуальный язык диалектического материализма. Можно сказать, что для творцов МБ диамат выступал в качестве априорного предзнаменания, интеллектуальной матрицы, в которую встраивались биологические факты и обобщения. Сам Лысенко называл «основой правильного понимания биологических явлений» работу Сталина «О диалектическом и историческом материализме» [Лысенко, 1952, с. 638]. Впрочем, такая установка была характерна для советской науки в целом [Винарский, 2024].

«Мичуринцы» утверждали, что только их доктрина полностью соответствует положениям марксистско-ленинской философии и потому, в отличие от «буржуазных» классической генетики и неодарвинизма, является единственно приемлемой для советских ученых. МБ можно рассматривать как результат «диалектизации» биологии в Советском Союзе [Колчинский, 1999], начавшейся в 1920-х гг. и завершившейся на «августовской» сессии ВАСХНИЛ (31.07-09.08.1948). На ней было официально объявлено о том, что в СССР нет места двум альтернативным направлениям в генетике и эволюционной теории и только «мичуринская» биология имеет право на существование.

Такая ситуация сохранялась до конца 1952 г., когда в советской научной печати были опубликованы первые статьи с резкой критикой эволюционных воззрений Лысенко. Они открыли дорогу polemike между сторонниками и оппонентами МБ, в ходе которой большинство концептуальных положений учения Лысенко было отвергнуто [Винарский, 2024]. Однако официальная история МБ завершилась только в октябре 1964 г., когда, вслед за снятием с поста главы государства Н.С. Хрущева, Лысенко был также смещен со всех ответственных должностей.

Одним из ведущих положений МБ было то, что носителем наследственности выступает не ядерный аппарат клетки (как утверждает хромосомная теория наследственности), а весь организм, адекватно изменяющийся в ответ на изменение внешних условий и передающий приобретенные при жизни признаки приобретенные признаки своему потомству (механоламаркизм). Этот этогенетический постулат позволял лысенкоистам претендовать на целенаправленное «управление» эволюцией растений и животных. Они вели себя «демиургами», способными создавать не только новые сорта и породы, но даже и новые виды с заранее заданными свойствами. Это позволяло «мичуринцам» давать правительству обещания в кратчайшие сроки получить сверхурожайные сорта растений и высокопродуктивные породы животных. Наряду с виртуозным использованием риторических и пропагандистских приемов, это помогло Лысенко сохранять руководящее положение в агронауке на протяжении почти двух десятилетий [Сойфер, 2002].

Апология «стадийности»

Уже в начале своей научной карьеры Лысенко стал знаменит как автор новаторской для своего времени «стадийной теории развития растений». Согласно ей, онтогенез растительного организма детерминирован и проходит через ряд последовательных этапов, регулируемых внешними факторами, из которых главнейшим является температура [Roll-Hansen, 2005]. Неизвестно, имел ли Лысенко во время работы над этой теорией четкое представление об основах исторического материализма, но в предложенной им схеме соблазнительно усмотреть аналогию¹ с господствовавшим в СССР пониманием всемирно-исторического процесса как идущего, хоть и по спирали, но однонаправленно, путем последовательной смены «общественно-экономических формаций», замещающих друг друга вслед за сменой «способов производства». В отличие от биологической эволюции, эволюция человеческого общества мыслилась марксистами финалистически. Утверждалось, что смена формаций с железной необходимостью рано или поздно завершится установлением бесклассового общества.

Представления лысенкоистов о развитии биологического знания были пронизаны телеологизмом и «стадийным» мышлением, что легко показать, используя цитаты из их сочинений. «Мичуринское» направление было провозглашено «новым, высшим этапом в развитии биологии» [Кузнецов, 1962, с. 35]. Вся история этой науки делится поэтому на два больших периода – до и после августа 1948 г. «Мичуринцы» объявили 1948 г. «годом великого перелома» в биологии, когда «[с]оветская биологическая наука, развивающаяся на твердом фундаменте марксистско-ленинской философии, окончательно и бесповоротно разгромила вейсманизм-морганизм, бесплодный в своих исследованиях и реакционный в своих выводах... было показано, что единственным научным, прогрессивным направлением в биологии является советский творческий дарвинизм, мичуринская биологическая наука, созданная советским строем и обслуживающая социалистическое производство» [Нуждин, 1953, с. 63].

Поэтому «мичуринский» исторический нарратив был в полном смысле «виговской» историей, то есть историей, написанной с позиции победителей². В такой перспективе классический дарвинизм

¹ В теории Лысенко смена стадий развития связана с воздействием внешнего по отношению к растению фактора. В теории исторического материализма движущей силой развития признается *внутреннее* противоречие – классовая борьба, порождаемая несовершенством экономических отношений. Однако если рассматривать развитие «надстройки», то оно определяется, как и у Лысенко, *внешним* воздействием – сменой производственных отношений в обществе.

² Явление, никоим образом не уникальное в историографии естественных наук [Bowler, 1988; Mayr, 1990].

считался порождением капиталистического общества, отягощенным серьезными заблуждениями, отражающими классовое (т.е. буржуазное) сознание своего творца. Следуя Энгельсу, «мичуринцы» считали тягчайшей «ошибкой» Дарвина принятие им малтузианского тезиса о перенаселении как причине борьбы за существование. Дарвин, как утверждалось, был лишь «стихийным» материалистом, причем буржуазной наукой развивались именно ошибочные аспекты дарвинизма, в то время как его материалистическое ядро замалчивалось или «извращалось». «Советский творческий дарвинизм» позиционировался как продвинутая (и даже окончательная) версия теории Дарвина, не только очищенная от всех проявлений «метафизики», но и поднятая Мичурином (читай – Лысенко) на качественно новую высоту. Классический дарвинизм служил лишь объяснению природных явлений, что воспринималось «мичуринцами» как явная слабость этой теории, ее «пассивность». Напротив, МБ «не ограничивается объяснением явлений жизни растений и животных, а служит могучим орудием планомерного изменения и преобразования живой природы применительно к практическим потребностям человека» [Кузнецов, 1962, с. 35]. Советский селекционер, по словам Лысенко, не может «пассивно ожидать случайных, самих по себе возникших полезных для человека изменений с тем, чтобы их подхватывать, отбирать. Ведь в этом случае нередко ожидать приходится очень долго, а это бывает скучно» [Лысенко, 1952, с. 363]. Совсем иной была веселая наука творческого дарвинизма, энергично вмешивающаяся в природные процессы и, как живописно выражался Лысенко, создающая новые, «прекраснейшие формы» животных и растений, в том числе и такие, «каких не было и какие не могли появиться в природе и за миллионы лет» [Там же, с. 191].

В 1951 г. В.Б. Веселовский предложил новый подход к преподаванию курса дарвинизма в советских вузах. Он советовал начать с того, чтобы «наметить общее направление эволюции, поставив перед слушателями ряд основных вопросов – “загадок” природы, разгадку которых начал Ч. Дарвин, а окончательный ответ дают советские биологи (И.В. Мичурин, И.П. Павлов, В.Р. Вильямс, Т.Д. Лысенко, О.Б. Лепешинская, Г. Бошьян и др.). Это сразу создаст у студентов живой интерес к дисциплине и организует их внимание» [Веселовский, 1951. С. 80. Курсив мой. – М.В.]. Итак, «советский творческий дарвинизм» представлялся этому автору (и далеко не ему одному) наивысшей и, как почти открыто заявлялось, завершающей фазой развития эволюционной биологии, дающей решение всех теоретических проблем.

Появление в стране Советов своего собственного варианта дарвинизма, превосходящего в качественном отношении классический, закономерно вытекало из хорошо знакомого идеологам лысенкоизма

указания «Краткого курса истории ВКП(б)»: «[К]аков способ производства у общества, таково в основном и само общество, таковы его идеи и теории, политические взгляды и учреждения» [Цит. по: Дубровский, 2017, с. 180]. Это означало, что новому, социалистическому способу производства должна соответствовать и новая форма эволюционной теории. МБ представляет собой продукт советского строя, отвечающий экономическим и социальным условиям новой – и наиболее прогрессивной – формации. Недаром на «августовской» сессии Лысенко назвал МБ выполнением «заказа советского народа о вооружении совхозов и колхозов передовой научной теорией» [Лысенко, 1952, с. 580]. Философия диалектического материализма представлялась фундаментом единственно «правильного» биологического мышления. Ее положения имели концептуальный примат перед биологическими теориями и выступали как мерило истинности последних. Групповое сознание «мичуринцев» отличали черты, сближавшие его с групповым сознанием русских ортодоксальных марксистов начала XX в., – мессианство, нормативность мышления, а также утопический демиургизм, стремление «переделывать» природную и социальную действительность. Они были порождены святой уверенностью в обладании абсолютной истиной, дающей окончательные и единственно верные ответы на фундаментальные вопросы науки.

Все эти представления имели не только академическое и пропагандистское значение, но и влияли на преподавание эволюционной биологии в советской средней и высшей школе. Показательно, что на шмидтитуле обновленного советского школьного учебника «Основы дарвинизма» был помещен портрет не Дарвина, но Мичурина, а теории Дарвина в нем отведено в три раза меньше места, чем основам МБ [Мельников и др., 1951]. Глубокой переработке подверглись и вузовские программы. В программе университетского курса дарвинизма, составленной в 1950 г. под руководством И. Презента, была предложена следующая периодизация его истории:

1. Метафизический период в истории биологии.
2. Учение Дарвина об органической эволюции.
3. Развитие дарвинизма трудами русских ученых.
4. Творческий (мичуринский) дарвинизм [Презент, 1950].

Отмечу полное игнорирование зарубежной эволюционной мысли в постдарвиновский период, словно бы эстафета эволюционизма, минуя посредников и «конкурентов», целиком перешла из викторианской Англии в романовскую Россию, а затем в Советский Союз. Это не только отражает сотериологическую миссию в развитии дарвинизма, которая приписывалась отечественной биологии, но и вызывает прямые ассоциации с *translatio imperii* – средневековой мифологемой о Третьем Риме – Москве, где обретет свое окончательное пристанище покинувшая «падшие» царства благодать. Действитель-

но, одной из характерных черт «историософии» МБ был ее выраженный национальный акцент, и идеологи лысенкоизма не уставали подчеркивать не только заимствованные из Западной Европы, но и «почвенные» корни своей доктрины, что оформилось в виде особого нарратива.

Два мира – две биологии

Представление об истории биологии как направленном процессе, поступательно ведущем к торжеству МБ, осложнялось глубоко дуалистичным восприятием не только прошлого, но и той реальности, в которой жили и работали сторонники Лысенко. Как и полагается приверженцам исторического материализма, для которого движущим мировую историю противоречием является классовая борьба, они усматривали в истории биологии беспрерывную борьбу двух противоположных линий – прогрессивной материалистической и реакционной идеалистической. По их мнению, эта борьба достигла своего апогея в переживаемую ими эпоху на фоне распада мира на два враждебных лагеря. Ождалось, что «мичуринская» линия, как истинная и уже одержавшая верх в отдельно взятой стране, в обозримом будущем должна победить и в глобальном масштабе, когда биологи всего мира убедятся на практике в лживости и бесплодности реакционной «вейсманристской» генетики и основанной на ней эволюционной теории. Отчасти эти надежды опирались на поддержку, которую лысенкоизм получал от западных биологов левых взглядов, таких как Д. Холдейн, хотя эта поддержка определялась не столько научными, сколько политическими соображениями [Paul, 1983].

«Метафизический» период изображался как ранняя, полная заблуждений эпоха в развитии эволюционной мысли, когда среди натуралистов за редкими исключениями господствовали идеи о неизменности видов и их божественном сотворении. «Метафизика», напомню, в советском философском лексиконе была бранным словом, маркировавшим «некачественное» мышление и часто обрамлявшимся ярлыками-спутниками, такими как «идеализм», «мистика» и «поповщина». Ирония заключалась в том, что МБ, отрицая (частично) классический дарвинизм, в полном соответствии с марксистским представлением о «развитии по спирали» (через отрицание отрицания), восстановила в правах ряд отвергнутых наукой концепций, характерных именно для «метафизического», а не «дарвиновского» этапа. В первую очередь это идея спонтанного «порождения» одним видом другого (овес порождается овсюгом, рожь – пшеницей, кукушка – пеночкой и т.д.), средневековое (и даже донаучное) проис-

хождение которой было отмечено уже первыми советскими критиками лысенкоизма [Винарский, 2024].

Две «линии» в истории биологии мыслились не только как полностью полярные, без полутона и переходов, но и как ценностно и этически маркированные. Это делало оппозицию «материализм – идеализм» в биологии частным случаем характерной для русской ментальности оппозиции Правды и Кривды, порождавшей и другие дилеммы, активно эксплуатировавшиеся «мичуринцами». К ним относятся противопоставление «прогрессивного» мичуринского учения – «реакционному» менделизму-вейсманизму, а также глубокий контраст между советской наукой и наукой западного мира, которая «представляет собой плод капитализма в период его загнивания и приближающейся гибели» [Келлер, 1941, с. 36]. Все светлое, прогрессивное и подлинно научное в биологии принадлежит «мичуринскому» направлению, в то время как противоположный лагерь есть средоточие лжи, деградации и морального распада («мухолюбы-человеконенавистники»). Разумеется, эта манихейская картина вытекала из государственной идеологии тех лет, в основе которой лежало представление о непримиримом противоречии между капиталистическим миром и странами «народной демократии» во главе с Советским Союзом. Однако границы двух «миров» биологического знания не вполне совпадали с границами политических блоков. Как среди западных ученых есть прогрессивные деятели, признающие правоту Лысенко, так и в СССР имеются «антимичуринцы» – менделисты-морганисты, которые, пользуясь попустительством руководителей [Академии наук], безнаказанно в течение долгих лет пропагандировали реакционные идеи» [Кафтанов, 1948, с. 56]. На фоне решающей схватки двух миров расправа с генетикой в СССР приобретала почти эсхатологическое значение, являясь «следующим этапом в ряду указаний товарища Сталина о задачах советской науки и об очищении ее от влияния буржуазной науки, в укреплении идеиного единства наших ученых на основе марксистско-ленинской теории. <...> Исключительно важным является методологический уровень биологической науки и чистота идеологии» [Гращенков, 1948, с. 8].

Эта же манихейская борьба двух «линий» в биологии усматривалась «мичуринцами» и в диахронической перспективе. Центральная роль в борьбе за материализм в эволюционном учении приписывалась «прогрессивным» отечественным биологам XIX в., которых изображали как последовательных и сознательных борцов за дарвинизм и противников реакционных теорий, таких как менделизм или вейсманизм. В упомянутом выше школьном учебнике дарвинизма можно было прочесть, что «[л]учшие русские ученые и философы были связаны с передовыми общественными группами, боровшимися с реакцией. Патриотические стремления к прогрессу родной страны приводили их к борьбе с метафизикой, с засильем религиоз-

но-библейских верований. Они стремились материалистически объяснить явления природы. <...> Они справедливо полагали также, что наука о природе в своем развитии должна опираться на принципы материалистической философии и быть связанной с практической деятельностью людей» [Мельников и др., 1951, с. 22]. Еще конкретнее выражались авторы научно-популярных книг, написанных для пропаганды МБ. Один из них писал, что еще «[б]ыл жив Дарвин, когда наука нашей страны уже оспаривала первое место в мире по размаху и глубине исследований в области дарвинизма. <...> В сущности, во все ветви науки о жизни именно русские ученые внесли эволюционное содержание» [Сафонов, 1952, с. 181. Курсив мой. – М.В.]. Такие высказывания нельзя отнести исключительно на счет полета мысли педагогов и популяризаторов. Они отвечали официально-му дискурсу эпохи борьбы с «низкопоклонством перед Западом».

В те годы сложился особый подход к жизнеописанию ученых прошлого, который А.А. Любищев [2006, с. 106] характеризовал так: «[Б]иографии и изложения взглядов, по манере написания, скорее напоминают жития святых или акафисты, так как из биографии “канонизированных” ученых удаляются всякие упоминания об ошибках и прегрешениях ученого (если эти ошибки не были уже указаны лицом, занимающим более высокий ранг в современных святцах)». Действительно, ни один русский биолог, кроме Мичурина, из числа «канонизированных», не избежал критики лысенкоистов, пусть и не очень жесткой. Даже образцовый герой советской истории науки К.А. Тимирязев (1843–1920), которого Лысенко [1952, с. 308] называл «лучшим дарвинистом», который нес « знамя своей многолетней борьбы за дарвинизм... среди жуткого полицейско-поповского мракобесия царской России» [Келлер, 1941, с. 27], заслужил упреки в том, что он был лишь «стихийным» диалектиком, не знал исторического материализма, не понимал принципа партийности в науке, а также не сумел преодолеть «метафизических» сторон учения Дарвина [Келлер, 1941]. Поэтому, по оценке философа Г.В. Платонова [1949], его следовало считать предтечей МБ, который лишь «приближался к современной, мичуринской ступени в развитии материалистической биологической науки». Но все идеологические промахи «прогрессивных» русских биологов считались простительными, так как определялись объективными условиями, в которых им приходилось работать³. Именно отечественным биологам выпала миссия спасения дарвинизма от его «извращения и опошления» буржуазными учеными, развития его материалистического ядра и очищения

³ Ср.: «К сожалению, Тимирязев в силу страшного деспотизма помещичье-крепостных порядков в царской России, где душилось или замалчивалось все новое, идущее из народа, не знал замечательных трудов Мичурина» [Платонов, 1949, с. 21].

от «метафизики». Однако в царской России это было невозможно выполнить до конца, и ни один дореволюционный ученый не смог создать «правильную теорию о происхождении видов. Такая теория создается лишь в настоящее время в Советском Союзе» [Мельников и др., 1951, с. 55].

О роли личности в истории

Еще одна яркая черта «мичуринской» историософии – ее персоналистический характер. Лысенкоистская риторика изображала новую советскую биологию как подлинное народное творчество, в котором участвуют массы «ученых и опытников, работающих творческим коллективом в тесном единстве с практикой» [Лысенко, 1952, с. 286]. Однако прогресс биологического знания обычно понимался «мичуринцами» как эстафета истины, передаваемая от одного гения другому. Науку двигали вперед не безликие массы, а выдающиеся реформаторы всемирного значения, число которых было очень невелико. При этом истинно-научная (т.е. лысенкоистская) биология началась не с Дарвина или Тимирязева и даже не с Мичурина. Подлинными ее родоначальниками были «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин [которые] не только создали диалектический материализм, на незыблемых принципах которого развивается мичуринская биология, но и *сделали ряд прямых указаний, в каком направлении* развивать эволюционную теорию Дарвина, какие стороны его учения должны быть отброшены при построении подлинно материалистической биологии» [Платонов, 1951, с. 132. Курсив мой. – М.В.]. Без их участия эволюционная мысль была обречена на неизбывное блуждание в потемках.

Мичурин в качестве «священного предка» советского дарвинизма был почти безупречен. Иван Владимирович, провинциальный селекционер-любитель без университетского образования и ученой степени, не принадлежал академическому истеблишменту и вскоре после революции обратил на себя внимание В.И. Ленина, что помогло ему с большим размахом и при государственной поддержке развернуть свои селекционные работы. На склоне лет Мичурин удостоился немалых почестей от новой власти (еще в 1932 г., при жизни Мичурина, городок Козлов, в котором он жил, был переименован в Мичуринск), однако величайшим в истории реформатором биологии, превзошедшим Дарвина, он был объявлен лишь после смерти. Мичурин связывал дореволюционный и советский этапы развития отечественной биологии, передавая эстафету от русских дарвинистов конца XIX – начала XX в. Лысенко и его единомышленникам. Хотя подлинный, исторический Мичурин был крайне далек от того гения биологии, каким его сделала советская пропаганда, для лысен-

коистов он был образцовым отцом-основателем их «учения», реальное содержание которого определяли Лысенко и Презент.

Однако марксистский постулат о том, что бытие определяет сознание, неизбежно порождал вопрос о том, могла ли передовая, революционная научная теория возникнуть в капиталистическом обществе, в котором Мичурин сформировался как исследователь и как личность. Иными словами, «...как мог ученый в экономически отсталой России и под гнетом раболепствующей перед зарубежными теоретиками казенной царской науки создать теорию эволюции, которая была бы более передовой, чем теория Дарвина?» [Дворянкин, 1951, с. 7]. Поставивший этот вопрос автор предложил весьма хитроумное решение. Он не отрицал, что Мичурин, по его же собственным словам, начал «свои работы в 1875 году, еще во времена остатков крепостничества, на заре русского капитализма... когда вся русская наука была облечена в Александровский мундир». Мичурин, который был не философом, а садоводом-практиком, создал свою теорию, решая задачу «обобщения практического опыта, задачу извлечения из него ясного представления о закономерностях изучаемого процесса». Такая наука «по необходимости рождает материалистическую философию. Наука, в частности биологическая, по необходимости диалектична, ибо она порождается производственной и общественной практикой и отражает их диалектику» [Там же, с. 8–9]. Итак, диалектике Иван Владимирович учился «не по Гегелю», его наставницей была сама природа!

Тем не менее работы Мичурина, при всей приписывавшейся им гениальности, лишь вывели биологию на правильный путь. Окончательный вид его учение приняло в трудах академика Лысенко, творчески развившего принципы, заложенные Иваном Мичуриным [Столетов, 1948]. После августа 1948 г. культ Мичурина фактически ушел в тень культа Лысенко, примерно так же, как, по наблюдениям Нины Тумаркин [Tumarkin, 1997], в свое время культ Ленина, пышно расцвевший в первое десятилетие после его кончины, был заслонен культом Сталина.

Отношения трех ключевых фигур «мичуринской» истории биологии – Дарвина, Мичурина и Лысенко – напоминали отношения преемства между Марксом, Лениным и Сталиным, какими они презентировались в 1930-е гг. Утверждалось, что Ленин творчески переработал и развил оригинальный марксизм, а затем его дело продолжил ныне здравствующий «классик» – Сталин.

Но при всех великих заслугах Мичурина и Лысенко, которые им приписывались, идеологи никогда не забывали уточнить, что их научные подвиги могли состояться только на фундаменте «единственно научной философии». Пропаганда воскрешала архаичную мифологему «чудесного спасения», утверждая, что научная истина сталкивалась со множеством могущественных врагов и не единожды

оказывалась на грани забвения, но всякий раз избегала гибели при помощи конкретных государственных деятелей. Утверждалось, среди прочего, что «[в]еликий Ленин открыл Мичурина для советского народа. Великий Сталин, продолжая дело В.И. Ленина, спас для передовой, материалистической биологии учение И.В. Мичурина, как единственно правильное, прогрессивное направление биологической науки» [Опарин, 1951, с. 5]. В другом микронarrативе Сталин выступал «спасителем» дарвиновской теории: «[О]существленный под направляющим влиянием коммунистической партии и лично товарища Сталина разгром реакционного морганизма сыграл решающую роль в развитии советской биологии. Это спасло учение Дарвина от опошления и извращения неодарвинистами» [Нуждин, 1952, с. 32]. Однако и Трофим Лысенко тоже мог изображаться как человек, который «отстоял материалистическое учение Мичурина-Вильямса от атак представителей идеалистической биологии» [Столетов, 1948, с. 17].

Заключение

Историческая наука в СССР выполняла функции государственного идеологического института. Обращение к прошлому помогало легитимизировать революции и захваты власти, что в политике, что в науке. «Мичуринская» идентичность формировалась через претензию на прямое преемство с «прогрессивной» линией развития биологии. Подобно тому, как партия большевиков изображалась преемницей всего «подлинно народного, прогрессивного в нашей истории» [Юрганов, 2010, с. 276], так и «мичуринцы» считали себя наследниками выдающихся дореволюционных биологов.

Окончательное становление «мичуринской» биологии обычно датируется 1936 г., когда Лысенко публично объявил о существовании в СССР двух теоретически и идеологически противоположных направлений в генетике [Сойфер, 2002]. Этот год примечателен рядом знаковых событий в советской культуре. В искусстве – кампания против формализма («Сумбур вместо музыки»). В области науки – «дело Лузина», положившее начало становлению советского «научного патриотизма» [Винарский, 2022]. Все это были признаки решительного идеологического переворота, изменившего не только культурную, но и политическую жизнь государства. В исторической науке интернационалистский, сугубо классовый и потому «национал-нигилистический» подход, развивавшийся школой академика М.Н. Покровского, был в директивном порядке замещен «национал-патриотическим» дискурсом. Покровский и его ученики видели в истории дореволюционной России почти исключительно отрицательные явления – экономическую и культурную отсталость, реакцию и угнен-

тение. Даже декабристы изображались ими как «корыстные эксплуататоры, думающие только о новых, более надежных формах ограбления крестьянства» [Юрганов, 2019, с. 140]. В середине 1930-х гг. это стало расцениваться как «левацкий интернационализм» [Там же, с. 140–141].

В новой идеологической реальности «исторический» Дарвин становился все менее приемлем, но совсем отвергнуть его было нельзя хотя бы потому, что его теорию высоко оценивали «классики» марксизма. Отсюда понятен социальный заказ на своего, «советского Дарвина», которым вскоре после смерти был назначен Мичурин. Лысенкоистская пропаганда эффективно трудилась над формированием образа русского ученого-патриота, создавшего национальную версию заимствованной из-за рубежа теории⁴. Можно сказать, что, стремясь создать отечественный извод дарвинизма, «мичуринцы» неосознанно следовали давнему завету Н.Я. Данилевского, предостерегавшего соотечественников от «европейничанья», т.е. бездумного копирования западноевропейских теорий.

Но не будем преувеличивать степень «почвенности» М.Б. В «мичуринских» попытках создать биологическую теорию, полностью соответствующую постулатам диалектического материализма, «русское» сливалось с «интернациональным», а западное происхождение марксизма «снималось» репрезентацией его как «мировоззрения пролетариата», определяющегося по классовому принципу и, следовательно, наднационального. Поэтому эксперименты, проводившиеся «мичуринцами» на опытных полях, виделись им частью великого общечеловеческого движения по пути прогресса, пути к совершенному обществу, в неизбежности создания которого они как правоверные марксисты не сомневались.

Список литературы

Веселовский, 1951 – Веселовский В.Б. О программе курса дарвинизма (в порядке обсуждения) // Селекция и семеноводство. 1951. № 3. С. 78–80.

Винарский, 2022 – Винарский М.В. Публикационные практики отечественных зоологов, 1902–1940 гг. // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. С. 103–127.

⁴ Специфика восприятия дарвинизма русской мыслью XIX в. состояла в отрицательном отношении к его мальтизианскому компоненту и вытекающему из него представлению о борьбе за существование [Todes, 1989]. Лысенкоисты, резко критиковавшие Дарвина за его «мальтизианские ошибки», в этом отношении действительно были преемниками таких мыслителей, как Чернышевский, Писарев, Михайловский, Кропоткин.

- Винарский, 2024 – Винарский М.В. «Новое учение о виде» Трофима Лысенко: тексты и контексты. СПб.: Реноме, 2024. 304 с.
- Гращенков, 1948 – Гращенков Н.И. О положении в биологической науке и задачи биологической науки БССР. Минск: Академия наук БССР, 1948. 99 с.
- Дворянкин, 1951 – Дворянкин Ф.А. Лекции по курсу дарвинизма: Мичуринская теория развития органического мира. М.: Учпедгиз, 1951. 48 с.
- Дубровский, 2017 – Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.
- Кафтанов, 1948 – Кафтанов С.В. [Речь на расширенном заседании Президиума АН СССР] // Вестник АН СССР. 1948. № 9. С. 48–59.
- Келлер, 1941 – Келлер Б.А. Борьба за Дарвина. Л.: Лениздат, 1941. 136 с.
- Колчинский, 1999 – Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 273 с.
- Кузнецов, 1962 – Кузнецов А.Я. Мичуринское биологическое учение и его роль в борьбе с религией и идеализмом. Челябинск: Кн. изд-во, 1962. 48 с.
- Лысенко, 1952 – Лысенко Т.Д. Агробиология. М.: Сельхозгиз, 1952. 781 с.
- Любищев, 2006 – Любищев А.А. О монополии Т.Д. Лысенко в биологии. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 520 с.
- Мельников и др., 1951 – Мельников М.И., Шибанов А.А., Корсунская В.М. Основы дарвинизма. М.: Учпедгиз, 1951. 200 с.
- Нуждин, 1952 – Нуждин Н.И. Дарвин и мичуринская биология // Известия АН СССР, серия биологическая. 1952. № 3. С. 6–29.
- Нуждин, 1953 – Нуждин Н.И. Банкротство буржуазной лженауки // Природа. 1953. № 3. С. 63–71.
- Опарин, 1951 – Опарин А.И. Значение гениальных работ товарища И.В. Сталина по вопросам языкоизнания для творческого развития советской биологии // Известия АН СССР, серия биологическая. 1951. № 6. С. 3–22.
- Платонов, 1949 – Платонов Г.В. Основные черты мировоззрения К.А. Тимирязева. М., 1949. 30 с.
- Платонов, 1951 – Платонов Г.В. Развитие дарвинизма в научном творчестве К.А. Тимирязева // Философские проблемы современной биологии. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 96–134.
- Презент, 1950 – Презент И.И. Письмо в редакцию и проект программы // Селекция и семеноводство. 1950. № 6. С. 72–79.
- Сафонов, 1952 – Сафонов В. Земля в цвету. М.: Молодая гвардия, 1950. 350 с.
- Сойфер, 2002 – Сойфер В.Н. Власть и наука (разгром коммунистами генетики в СССР). М.: ЧеРо, 2002. 1024 с.
- Столетов В.Н. Путь агробиолога // Труды Института генетики АН СССР. 1948. Т. 16. С. 5–18.
- Юрганов, 2019 – Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2019. 765 с.

References

- Bowler, 1988 – Bowler, P., “The Whig Interpretation of Geology,” *Biology and Philosophy*, 1988, vol. 3, pp. 99–103.
- Burton, Kebler, 1960 – Burton, R.E., Kebler, R.W. “The ‘Half-life’ of Some Scientific and Technical Literature”, *American Documentation*, 1960, vol. 11, pp. 18–22.
- Dubrovsky, A.M. *Vlast' i istoricheskaya mysль v SSSR (1930–1950-e gg.)* [The State Power and Historical Thought in the USSR (1930s – 1950s)]. Moscow: Politicheskaya entisklopediya, 2017. 622 pp. (In Russian)
- Dvoryankin, F.A. *Lektsii po kursu darvinizma: Michurinskaya teoriya razvitiya organiche-skogo mira* [Lectures on Darwinism: The Michurinist Theory of the Organic World Development]. Moscow: Uchpedgiz, 1951. 48 pp. (In Russian)
- Grashchenkov, N.I. *O položenii v biologicheskoi nauke i zadachi biologicheskoi nauki BSSR* [On the Situation in Biological Science and Tasks of Biological Science of the BSSR]. Minsk: Academy of Sciences of the BSSR, 1948. 99 pp. (In Russian)
- Kaftanov, S.V. “Rech' na rasshirennom zasedanii Prezidiuma AN SSSR” [Speech at the Extended Meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences], *Vestnik AN SSSR*, 1948, no. 9, pp. 48–59. (In Russian)
- Keller, B.A. *Bor'ba za Darvina* [The Struggle for Darwin]. Leningrad: Lenizdat, 1941. 136 pp. (In Russian)
- Kolchinskiy, E.I. *V poiskakh sovetskogo “soyuza” filosofii i biologii (diskussii i repressii v 20-kh – nachale 30-kh gg.)* [In Search of the Soviet “Union” of Philosophy and Biology (Discussions and Repressions in the Twenties and Early Thirties)]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. 273 pp. (In Russian)
- Kuznetsov, A.Y. *Michurinskoe biologicheskoe uchenie i ego rol' v bor'be s religiei i idealizmom* [The Michurinist Biological Doctrine and Its Role in the Struggle against Religion and Idealism]. Chelyabinsk: Knizhnoye izdatel'stvo, 1962. 48 pp. (In Russian)
- Lysenko, T.D. *Agrobiologiya* [Agrobiology]. Moscow: Sel'khozgiz, 1952. 781 pp. (In Russian)
- Lyubishchev, A.A. *O monopolii T.D. Lysenko v biologii* [On T.D. Lysenko's Monopoly in Biology]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2006. 520 pp. (In Russian)
- Mayr, 1990 – Mayr, E. “When is Historiography Whiggish?”, *Journal of the History of Ideas*, 1990, vol. 51, pp. 301–309.
- Mel'nikov M.I., Shibanov A.A., Korsunskaya V.M. *Osnovy darvinizma* [Fundamentals of Darwinism]. Moscow: Uchpedgiz, 1951, 200 pp. (In Russian)
- Nuzhdin, N.I. “Darvin i michurinskaya biologiya” [Darwin and the “Michurinist” biology], *Izvestiya AN SSSR, seriya biologicheskaya*, 1952, no. 3, pp. 6–29. (In Russian)
- Nuzhdin, N.I. “Bankrotstvo burzhuaznoi lžhenauki” [The Bankruptcy of Bourgeois Pseudoscience], *Priroda*, 1953, no. 3, pp. 63–71. (In Russian)
- Oparin, A.I. “Znachenie genial'nykh rabot tovarishcha I.V. Stalina po voprosam yazykoznaniya dlya tvorcheskogo razvitiya sovetskoi biologii” [The Significance of Comrade Stalin's Brilliant Works on Linguistics for the Creative Development of Soviet Biology]. *Izvestiya AN SSSR, seriya biologicheskaya*, 1951, no. 6, pp. 3–22. (In Russian)

Paul, 1983 – Paul D.B. “War on Two Fronts: J.B.S. Haldane and the Response to Lysenkoism in Britain”, 1983, *Journal of the History of Biology*, vol. 16, pp. 1-37.

Platonov, G.V. *Osnovnye cherty mirovozzreniya K.A. Timiryazeva* [Foundations of K.A. Timiryazev's Worldview]. Moscow, 1949. 30 pp. (In Russian)

Platonov, G.V. “Razvitiye darvinizma v nauchnom tvorchestve K.A. Timiryazeva” [The Advancement of Darwinism in Scientific Works of K.A. Timiryazev], in: I.I. Novinskiy, G.V. Platonov (eds.). *Filosofskiye problemy sovremennoy biologii* [Philosophical Issues of Contemporary Biology]. Moscow: The USSR Academy of Sciences Press, 1951, pp. 96-134. (In Russian)

Prezent, I.I. “Pis’mo v redaktsiyu i proekt programmy” [A Letter to the Editorial Board and the Project of a Program], *Selektsiya i semenovodstvo*, 1950, no. 6, pp. 72-79. (In Russian)

Roll-Hansen, 2005 – Roll-Hansen, N. *The Lysenko Effect: Politics of Science*. Amherst: Humanity Books, 2005. 335 pp.

Safonov, V. *Zemlya v tsvetu* [The Flowering Earth]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1950. 350 pp. (In Russian)

Soyfer, V.N. *Vlast’ i nauka (razgrom kommunistami genetiki v SSSR)* [Power and Science (The Defeat of Genetics in the USSR by the Communists)]. Moscow: CheRo Publ., 2002. 1024 pp. (In Russian)

Stoletov, V.N. “Put’ agrobiologa” [An Agrobiologist’s Progress], *Trudy Instituta genetiki AN SSSR*, 1948, vol. 16, pp. 5-18. (In Russian)

Todes, 1989 – Todes D. *Darwin Without Malthus: the Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought*. New York etc.: Oxford University Press, 1989. 221 pp.

Tumarkin, 1989 – Tumarkin, N. *Lenin lives! The Lenin cult in Soviet Russia*. Cambridge (MA) etc.: Harvard University Press, 1997. 315 pp.

Veselovsky, V.B. “O programme kursa darvinizma (v poryadke obsuzhdeniya)” [On the Syllabus for the Darwinism Course (For Discussion Purposes)], *Selektsiya i semenovodstvo*, 1951, no. 3, pp. 78-80. (In Russian)

Vinarskiy, M.V. “Publikatsionnye praktiki otechestvennykh zoologov, 1902-1940” [The Publishing Practices of Russian / Soviet Zoologists, 1902-1940], *Sotsiologiya Nauki i Tekhnologiy*, 2022, vol. 13, pp. 103-127. (In Russian)

Vinarskiy, M.V. “*The New Doctrine of Species*” by Trofim Lysenko: Texts and Contexts. St. Petersburg: Renome Publ., 2024. 304 pp. (In Russian)

Yurganov, A.L. *Russkoe natsional’noe gosudarstvo: Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma* [The Russian National State: The Lifeworld of Historians of the Stalinist Era]. Moscow: RGGU Publ., 2019. 765 pp. (In Russian)